

фантастическая
история

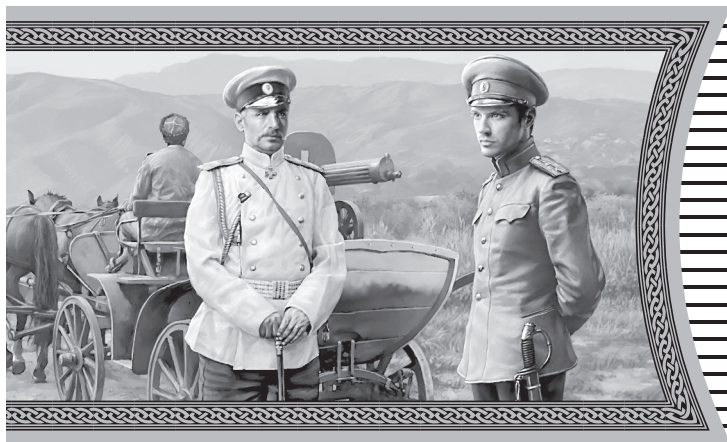
Книги Станислава Смакотина
в серии «Фантастическая История»

ЦУСИМСКИЙ СИНДРОМ
ГЛИНЯНЫЙ КОЛОСС



МОСКВА, 2017

фантастическая
история



Станислав Смакотин

Глиняный Жолосс

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С50

Серия основана в 2010 году
Выпуск 123

Смакотин С. В.

С50 Глиняный колосс: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2528-0

Цусима не состоялась, русская эскадра надежно стоит у берегов Владивостока. А человека из нашего времени вновь подхватывает ураган событий.

Проведя лишь пару недель на суше, он успевает влюбиться, подраться с пьяными матросами и быть переданным по цепочке главнокомандующему сухопутными силами. И вот уже, сидя в кресле штабного пульмановского вагона, наш герой усиленно вспоминает оружейные примочки из будущего. А поезд, специальный литерный поезд мчит его в Маньчжурию, к линии русско-японского фронта...

Между тем несколько пар внимательных, а главное — влиятельных глаз очень пристально наблюдают со стороны за пришельцем из будущего. Стараясь не упустить шанс использовать того в собственных интересах.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Смакотин С. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2528-0

— Убью, гадина... Тише!.. — Возня за ветхим забором приобретает вполне отчетливые черты.

Ясно одно: темной ночью происходит не менее темное дело... Классика, мать твою! И вот почему меня так и тянет вляпаться во что-нибудь криминальное? Ладно в своем времени, но здесь-то, здесь? Богобоязненная и христолюбивая страна была, говорите? Или изнасилование в список смертных грехов не входит?.. А, господа будущие историки?

Стараясь не дышать, делаю несколько бесшумных шагов по направлению к забору. «Палку бы какую... Лучше железную!..» Рука сама нащупывает рукоять кортика. Револьвером я до сих пор так и не обзавелся. Похоже, зря!

— Господа, господа... Прошу вас... Возьмите день...

— Тихо ты! — Хриплый полусшепот, за которым следует сдавленный стон — похоже, жертве основательно зажали рот. — Держи... Вот тут... — слышен треск разрываемой ткани.

А их-то минимум двое... Если не больше. Дела, Слава! И что будешь делать? Я оглядываюсь: пустынная улица теряется во тьме. План электрификации ГОЭЛРО и не думал добираться до затерянной у черта на куличках точки, именуемой Владивостоком. Да и нет его еще, этого плана-то... Появится лет через... Много. Впрочем, думать нет времени: довольно неуклюже я перемахиваю через дощатую изгородь:

— Стоять-бояться!.. — Ноги немедленно по щиколотку утопают в мокрой земле.

«Огород... Вспаханный!» — эта гениальная мысль почему-то отчетливо затмевает остальные. Отодвигая в сторону

насущенные. К примеру, что я буду делать здесь дальше... Ибо в следующее же мгновение получаю сильнейший удар в лицо.

Мягкая влажная земля выскользывает из ладоней, тупая боль под глазом... Фингала не миновать! Пытаюсь подняться на четвереньки, я тут же, всхлипывая, падаю навзничь — следующий удар приходится аккурат в «солнышко». Ногой. Да чтоб вас... Дыхание окончательно перехватывает.

Вспышка огонька... Горящая спичка, слепя, приближается к глазам.

— Смотри-ка, офицер!.. Из наших, видать... — Руки начинают ловко обшаривать шинель, бесцеремонно забираясь за пазуху... В лицо ударяет запах перегара. Неподалеку слышатся звуки борьбы и брань вполголоса — похоже, их действительно только двое. Уже лучше!

А вот это ты зря сказал, брат. Из ваших, значит? Матросы?! Внутри начинает закипать холодная ярость. Вот гады... Подожди, дай только пару секунд отдышаться!

Я все еще на спине, дурень крайне удачно согнулся над своей жертвой... Не подозревая даже, что жертве когда-то приходилось заниматься самбо. Впрочем, откуда ему...

Резкое движение — сгиб моей ноги ловко оказывается на шее ничего не успевшего понять остолопа. Согнуть с силой в колене, переместить центр тяжести... Так... Шинель сильно мешает! С удивленным хрипом матрос валится на землю под моим весом, и мы меняемся местами. Теперь я — сверху, шея плотно зажата моей ногой. Ура, получилось!!! Чуть сдавить посильней... Дергается, козел! Что второй?.. Рука уже нащупывает кортик...

— Помогите!.. — прорезает ночную тишину женский крик. — Кто-нибудь!..

Значит, выпустил! Сейчас будет здесь, типа выручать типа товарища... Ух, мне эти ваши понятия!..

— Стоять, стреляю! — Не успеваю даже удивиться своему булькающему голосу — не до того! Для пущей убедительности делаю металлический щелчок ножнами. Ни черта не

видать, внутренне я сжимаюсь, ожидая, что из тьмы вот-вот налетит гора...

Медленно проходит секунда, за ней другая... Кажется, минула целая вечность, но — ничего не происходит...

Тело внизу перестает дергаться, расслабляясь, и я чуть ослабляю хватку — еще не хватало задушить... Много чести!

Удаляющиеся мокрые шлепки заглушают женские всхлипы. Эх ты... А еще товарищ! Друг-то — в беде! То есть в захвате...

Поскальзываясь и чертыхаясь, с трудом высвобождаю ноги.

Так и рисуется статья на первых полосах завтрашних газет: «...И героически прибывший к нам из будущего посланец, выручивший нашу эскадру от неминуемого поражения, спас также и мешанку (к примеру, какую-нибудь Агафью Укропову) восьмидесяти семи лет, уроженку Владивостокского уезда, от неминуемого изнасилования подвыпившими матросами...» Тьфу!

Отыскиваю в кармане спички: чирк, еще один...

Из темноты на меня глядят два большущих испуганных глаза. Почему-то сразу вспомнился распространенный смайлик в социальных сетях: пара глазищ таких, и ничего больше. Смех один. Однако лет-то тебе явно не восемьдесят семь... И даже не тридцать. Девчонка совсем — двадцать, от силы... Что, сильно досталось, родимая?

Платье разорвано в нескольких местах, молодая грудь, прикрываемая руками, полностью обнажена. Ниже вроде не успели добраться... Шляпка не из дешевых, рука в кружевной перчатке... Сидит, сжавшись, прямо на земле. На мешанку не похожа. Отнюдь. Спичка предательски гаснет, обжигая пальцы.

— Не зажигайте следующую, господин... Поручик.

Согласен... И без того покраснел по уши!

— Может быть, вам...

— Отойдите!!!

Понял, уже... Делая пару шагов назад, едва не падаю — ноги утопают в грязи. Нет, я все понимаю, конечно, но... Уж

больно классическая история. Сейчас я, конечно, ее провожу до дома, она вся в меня влюбится по гроб жизни, после заведу семью, родится куча детишек...

Ответом на мои мечты служит громкое шуршание и быстро-быстро удаляющиеся шаги, очень напоминающие бег. Через несколько секунд и они исчезают окончательно. Вот так...

Стон поблизости напрочь уничтожает всю лирику. Так, а ты чьих будешь? Если, не дай бог, из Второй Тихоокеанской — убью. Здесь же, на месте.

В слабом свете пламени проступает опухшее лицо с небольшими усиками. Тельник, привычный бушлат. Бескозырка с надписью «Флотский экипаж» валяется неподалеку. Так я и знал — прибывшее пополнение. Жрать флотский паек на берегу, насиловать девчонок, и гибнуть от снарядов с шимозой — совсем не одно и то же. А посему...

Матрос, чуть приподнявшись на руках, ошалело тарашится на свет:

— Ваше благородие, Христом Богом молю...

Знаю, наслушался уже.

Встав поудобней, я изо всех сил бью кулаком в челюсть. С размахом и оттяжкой. Не издав ни единого звука, тот мешком валится на землю.

Все. Нокаут. Отдыхай! И радуйся, гад, что не отвел в твою казарму...

Полчаса спустя, взирая в зеркало на подбитую физиономию с распухающим под глазом синяком, я осознаю неизбежное: завтра в Морском собрании Владивостока состоится торжественное чествование участников сражения в Корейском проливе, или, как его уже окрестили газетчики, «Корейского сражения». В город для этого специально прибыл генерал Линеви́ч с наместником Алексеевым. Рождественский вон парадку наверняка примеряет, саблю самую лучшую уже достал... Приглашены все старшие офицеры и местечковая знать. И ты, Слава, как член штаба Второй Тихоокеанской эскадры!

Беда...

Я без сил, не снимая кителя, плюхаюсь на диван и закрываю глаза.

Прошло десять дней с того момента, как я впервые ступил на землю прошлого. До сих пор отлично помню этот миг: шлюпка подвалила к пристани, а я сижу и очень боюсь. Боюсь встать и сделать два шага. Кажется, ступи я их — и произойдет что-то страшное. Не знаю: сверкнет молния, разверзнется морская пучина, случится атомный взрыв, в конце концов... Ведь не должно меня тут быть! В природе! Впрочем, как и Второй Тихоокеанской эскадры, что стоит на рейде... Часть из экипажей которой уже давно сошла на берег. Наконец решаю: «Эх, была не была...» — И я, с силой опираясь на протянутую руку матроса, взбираюсь наконец на пирс. Земля как земля... И я не исчез.

Следующие несколько дней прошли для меня точно в тумане. Помню лишь упорное нежелание Рождественского отпустить меня с корабля на квартиру и мое не менее упорное: «Ваше превосходительство, покорнейше прошу разрешить!» Отчего-то адмирала вдруг крайне начала беспокоить моя судьба. Стареет? Непохоже... Сошлись с трудом на том, что квартирую я на берегу, в гостиничных номерах так называемой «офицерской слободки», но каждый день присутствую на броненосце, покидая его вечером. На том и порешили. Ну, не могу я пока на море... Дайте хоть отдышаться!

Квартирка в номерах не ахти, но все лучше, чем корабельная каюта. В которой, впрочем, за неимением прямых служебных обязанностей, я и провожу все свободное время. Вот и сегодня, припозднившись, я шел к себе домой. Едва успев на последний катер на берег. И тут, понимаешь, такое...

Осторожно трогаю шишку под глазом — болит, собака...

С громким шуршанием я переворачиваюсь на бок. Что такое? Подо мной обнаруживается вчерашняя газета «Владивостокский листок»... Вытаскиваю, едва не порвав, и, шурясь, начинаю вчитываться.

На первой странице в черной рамке жирным шрифтом: «Героическая гибель крейсера «Владимир Мономах». Глаза в который уже раз пробегают по строчкам:

«Отстав от своего отряда в вечернем сражении вследствие обширной пробоины, моряки крейсера продолжили героическую борьбу с врагом...»

Да, так и было. Командир Игнациус пару дней назад зачитывал офицерам телеграммы из Петербурга. За сухими строчками, взятыми из английских газет, стоит трагический подвиг.

Получив несколько крупных пробоин ниже ватерлинии, крейсер потерял ход и, отстав, отвернул в сторону. Взяв курс сразу на Владивосток, в надежде скрыться в наступающей темноте. Экипажу это практически удалось, и до рассвета корабль шел в полном одиночестве, борясь за живучесть. С первыми лучами солнца «Мономах» был обнаружен третьим и четвертым отрядами японцев, состоящими из восьми бронепалубных крейсеров. На предложение сдаться окруженный врагом одинокий русский корабль гордо ответил выстрелами... Короткий, но ожесточенный бой длился около получаса. Из почти пятисот членов команды «Мономаха» спасено лишь сто двадцать, среди которых командира Попова — нет...

Стук в дверь заставляет встрепенуться. Кого там черт принес?

За дверьми Малашка — местная «домработница», а по факту — молодая здоровая девка, кровь с молоком: обстирывает, обшивает и черт ее знает что там еще делает с расквартированным офицерским персоналом. Ко мне вот что-то зачастила в последнее время... Замуж бы ей!

— Чего тебе?

Та молча вылупилась, открыв рот. Челюсть подбери, ду-реха... Фингала ни разу не видала? Наконец Маланья с трудом сглатывает:

— Хосподин офицерь, да как же вас... — От избытка эмоций она почему-то быстро перебирает руками. ... — Да хде ж вы так... Пятак, пятак медный прилôжить надобно, и гля-

дишь, к утречу-то оно и сгинет, нерадивое. — Тараторя, габаритная деваха надвигается на меня, как фашистский танк на одинокого солдата.

— Эй, эй... — Отступая от столь неожиданного натиска, я едва кубарем не лечу через стул. — Маланья, стой! — Наконец ставлю его между нами. — Чего хотела, говори уже?!

Впрочем, чего хотела — и без того понятно. Только нет уж... Увольте.

— Постирать, может... — Та разочарованно останавливается у неожиданной преграды. — Подшить, еще чего... Я ж понимаю, что хоспода офицеры далече от дому... — Ее голос приобретает грудные интонации. Руки неожиданно нежно ложатся на спинку стула, уверенно его отодвигая.

Мозг лихорадочно работает, ища выход из коварной ловушки. Ну, давай же, Слава! Погибаем!

Гениальное решение приходит в последний момент:

— Точно, Маланья! — Я с легкостью отпускаю стул, отчего та чуть не валится. — Брюки у меня совсем грязные с шинелью, да и ботинки, — киваю на порог. — Почистить надобно.

Не давая ей опомниться, я подытоживаю:

— Обувь заберешь сейчас, а брюки с шинелью вывешу за дверь, возьмешь через четверть часа. Вот тебе за труды, Маланья, двугривенный... — Двадцать копеек перекачывают из кармана в ее разгоряченную ладонь. — Давай, давай уже, у меня еще дела!.. — провожаю я к выходу разочарованную гостью. — Утром, в девять разбудишь!

Я задвигаю тяжелый засов. Уф, пронесло!

Подождав пару минут для верности, раздеваюсь и, отперев дверь, быстро вешаю испачканные в земле вещи снаружи. Темный коридор, освещенный одинокой лампочкой, успокаивающе пуст, и я окончательно теряю бдительность. А зря — местный кот, носящий колоритное имя Алевтин, варварски этим пользуется, пулей прошуршав у ног. Да и хрен с тобой — ночуй, котяра. Все одно не Маланья... Не давишь.

Прошлепав босыми ногами по дощатому полу, вновь падаю на диван и тушу керосинку. И так, что у нас завтра? Принимая позу поудобней, я плотно закутываюсь в одеяло. Несмотря на конец мая, ночи на Дальнем Востоке крайне холодные.

А завтра у нас, Слава, состоится торжественное собрание. Приуроченное ко вчерашнему прибытию в порт транспортов с госпиталями и окончательному воссоединению эскадры. Прибыв пятнадцатого мая во Владивосток и отслютовавшись, как полагается, Рождественский, к моему удивлению, не стал тормозить. И уже через пару часов на наименее пострадавшие корабли началась активная погрузка угля и боеприпасов, с привлечением к процессу всего берегового персонала. Который к подобному не был готов ни сном ни духом, как оказалось... Рассказывают, что адмирал лично так оттянул начальника порта, что тот немедленно слег с сердечным приступом.

Громкое шуршание под диваном отвлекает от размышлений.

— Алевтин!.. Убью, понял? — Для верности я опускаю вниз кулак. Сработала устная угроза либо наглядная, но шуршание немедленно прекращается. Так-то лучше... На чем я?

Грузились весь оставшийся день и всю ночь, и к утру следующего дня отряд из «Осляби», «России», «Алмаза», «Жемчуга», «Авроры» и «Светланы» вышел из Золотого Рога, взяв курс на восток. Старине Энквисту пришлось со всем штабом пересечь на единственный броненосец, поскольку его любимый «Олег» находился в крайне плачевном состоянии, едва держась на плаву.

Через четыре дня напряженного ожидания наконец была получена телеграмма с Сахалина — воссоединение состоялось, совместный отряд прошел русские береговые посты и следует во Владивосток! Отлегло у всех ненамного, поскольку сведений о японском флоте после ночного столкновения к тому времени не было никаких. И нет-нет да и проскакивало в разговорах на броненосце:

— Андрей Павлович, как считаете, ушел японец к себе? Или в море рыщет, подлый?

— Всякое может быть... Весьма опрометчиво было столь небольшой отряд посылать!

— Да уж... Помогите им Господь добраться!..

Я вздрагиваю от неожиданности. От того, что кто-то немаленький в прыжке добирается и до меня. Потоптавшись некоторое время в ногах и издав дежурное «мяу», таинственная сущность бесцеремонно пристраивается в районе живота. Через несколько секунд тело обволакивает истеричное мурчание.

Теперь даже не повернуться! Всю свою жизнь поражался способности кошек намертво парализовывать своих жертв...

— Алевтин, будешь хулиганить — вылетишь в коридор!

Бесполезно. Ответом служит лишь кратко усилившееся «тр-р-р-р-р-р-р-р-р...».

Телеграммы из Петербурга о потерях японцев пришли лишь на шестой день. И надо сказать... Не ожидал! В ночном столкновении две наших торпеды пришились аккурат в «Микасу», на мостике «Суворова» не ошиблись. Затонул по дороге в порт. Адмирал Того хоть и остался жив, но тяжело ранен. Вторым подбитым броненосцем оказался «Фудзи» — тот кое-как дошел до Японии с огромной подводной пробойной, едва не отправившись вслед за своим флагманом...

Рука нащупывает Алевтина — блохастый до невозможности, целый блошинный десант в шерсти...

Что-то тревожит меня уже четвертый день. С тех самых пор, как впервые прозвучало название «Сахалин». Только вот не могу понять что... Что там может быть? Ну, остров, затерянный на куличках империи... Ну, административная единица... Холодный и неудобный край, где...

Сахалин. Десант... Десант — Сахалин... Японский десант на Сахалине? Стоп!

Делаю резкое движение, стряхивая наглого кота. Нахожу спички, зажигаю лампу. Откуда-то из глубин памяти всплывают некогда прочитанные строчки: последняя опе-

рация японцев в русско-японской войне — высадка на Сахалин. Кажется, конец июня — начало июля...

Поднявшись на ноги, прохаживаюсь взад-вперед, поглядывая на Алевтина. Поразительная штука моя память здесь, никак не могу привыкнуть. Все прочитанное прежде, пусть даже в далеком отрочестве, периодически всплывает в мозгу, подобно пузырю. Раз, пузырь лопнул — и вот тебе нужная информация. Жаль только, что не по заказу, а как придется...

— Так ведь, Алевтин? — Я нагибаюсь к облизывающейся под хвостом усатой твари.

Тварь не прекращает увлекательного процесса, лишь презрительно на меня покосившись.

— Так... Как буквально позавчера, услышав фамилию Линевича, к вечеру вспомнил и о Мукдене, и о наместнике... И о несчастном Куропаткине. Парне вроде и неплохом, но уж больно неудачливом по жизни... Спроси меня в моем времени о подобном — лишь пожал бы плечами, а тут... Кстати, о том, что Япония после Мукденской якобы победы не знает, что с ней делать и мечтает завязать с войной, — я Рождественскому еще не говорил.

Завтра, все завтра.

В последний раз подойдя к зеркалу и взглянув на подбитую физиономию, я с горьким вздохом вновь укладываюсь на диван. Не пойду ни на какие торжества. Куда я в таком виде? обойдутся без поручика... Псевдо.

Последнее, что слышу сквозь сон, — легкий шорох за дверью и удаляющиеся шаги. После печального вздоха. Маланья, ты уж прости, но... Я сплю.

Однако без меня обойтись все же не получается.

«Бум-бум-бум... Бум!.. Бум-бум!..» Я с трудом продираю глаза и тут же вновь замуриваюсь. Солнечный лучик через окно падает прямо на картину в рамке, изображающую невинный лесной натюрморт: две лисы, медведь и почему-то четыре зайца. Не знаю, что этим хотел сказать художник, но

зайцам должно быть явно не по себе в подобной компании... От стекла рамки луч рикошетит прямо в глаза.

«...Бум-бум!!!...» — Дверь, кажется, вот-вот слетит с петель.

— Маланья!.. Ты чего там, вконец оборзела? Сломаешь ведь!..

С языка едва не слетает «все равно твоим не буду!..», но вовремя себя останавливаю.

Однако это вовсе не она.

— Ваше благородие... — неожиданным басом произносит дверь. — Его превосходительство господин адмирал приказали разбудить и проводить к Морскому собранию и настоятельно велели не опаздывать!

О как... Рождественский лично за мной прислал? Фига себе!

Стихшие было удары возобновляются с удвоенной силой.

— А сам кто будешь? — уже накидывая китель, интересуюсь я у громахающей двери. Судя по «благородию» — максимум унтер.

— Из ординарцев мы... — доносится сквозь глухие стуки.

— Слушай, ты, ординарец... — Эта комедия начинает мне порядком надоедать. Учитывая головную боль и странную суженность левого глаза. — Шинель с брюками за дверью висят?

— Так точно, ваше благородие, висят!.. — слышу я после очередного удара.

— Ну так приказываю тебе, ординарец, взять их и ожидать меня! Приказ ясен?

Стук немедленно смолкает:

— Так точно, ваше благородие, ясен!

— Выполнять!

Справившись наконец с пуговицами кителя, я отодвигаю засов и забираю у здорового парня в парадке свои вещи. Не забыв задвинуть ногой начищенные ботинки, зло захопываю дверь прямо перед его носом.

Внутренне чертыхаясь, натягиваю на себя одежду и мелко смотрю в зеркало...

Мать моя женщина!

За ночь синяк разросся вширь и вдаль, и сейчас на меня взирает конкретно подозрительная уголовная личность. Если и имеющая отношение к флоту, то максимум из флибустьерских зарисовок какой-нибудь Тортуги...

Однако делать нечего — этот так просто не отстанет. Со вздохом открываю дверь:

— Давай, пошли...

Множество дорогих повозок и (что большая редкость тут) пара припаркованных старинных автомобилей говорят о том, что большое одноэтажное здание с подобием купола и есть наша цель. Протопав пешком полгорода под конвоем этого дылды, я ловлю на себе не один десяток заинтересованных взглядов. Еще бы... Поручик со здоровенным фингалищем... Эка невидаль! Любуйтесь, чего уж там... Хоть шли мы и достаточно быстро, тем не менее к началу все же не успели...

— Одну минуту, господин поручик... Вы присутствуете в списке приглашенных? — Лейтенант на входе подозрительно смотрит мне аккурат в левый глаз.

— Так точно, ваше благородие! — избавляет меня от необходимости неприятного общения долговязый конвоир. — Вот пригласительный билет его благородия, члена штаба Второй Тихоокеанской эскадры поручика господина Смирнова! — торжественно вручает он синюю бумажку напругшемуся было офицеру.

Что, понял, да? Так и хочется высунуть тебе язык и, сказав «бе-бе-бе», гордо пройти мимо. Что я и делаю немедленно. Разумеется, лишь последнее из перечисленного.

Бородатый швейцар в фойе, гардероб со множеством шинелей... Что-то... Из зала доносятся звуки пения, и где-то я уже это слышал. Где именно? В кино? Да ну, брось... Не может быть! «Брат-два»? Где детский хор пел «Гуд-бай, Америка»?!. Я сплю?

Я замираю, прислушиваясь.

«...Счастье, смирение... Скорби... терпение... Боже, царя храни...»

Уф, отлегло. Это «Боже, царя храни». Только вот детские голоса... Точь-в-точь как в культовом фильме. Сдав верхнюю одежду, я незримой тенью проскальзываю в зал.

Очутившись за множеством спин, изо всех сил приподнимаюсь на цыпочки, стараясь разглядеть действие на сцене. Не каждый день посещаю подобные приемы. Учítывая, что на дворе стоит девятьсот пятый.

Двенадцать ангелочков в белых платьицах, скорее всего, самый младший курс гимназии, исполняют гимн царской империи... Выпевают старательно, с очень серьезенькими лицами — явно готовились не один день. И молодая учительница в широкой шляпе со всей ответственностью дирижирует этими ангельскими созданиями... А множество бородатых мужчин с боевыми орденами и в военной форме стоят, боясь пошевелиться и даже вздохнуть. Лишь с умилением, едва сдерживая слезы, наблюдают, молча шевеля губами в такт... Вот ты какая, оказывается, царская империя... Бываешь и такой... Детской, чистой и невинной. Откуда-то возникает предательский ком в горле. Да что с тобой, Слава? Ты чего вдруг?..

Мостик «Суворова», дым повсюду. Лейтенант Данчич, что-то говорящий и идущий ко мне. Секунда — и окровавленный мешок на его месте. Лазарет броненосца, переполненный ранеными, и обугленный недотепа Шишкин на койке, умоляющий меня принести пить... Тела, лежащие на полу в коридоре, — и я, заметивший знакомые ботинки, беспомощно склонившийся над Матавкиным... Его тело с чугунной болванкой, скрывающееся в волнах... И двенадцать маленьких гимназисток в белых платьицах, с кудряшками в волосах. Так вот кого вы защищали, господа морские офицеры... Ради них шли полмира, чтобы сгинуть в море с чужим названием? Достойно. И... И теперь я, наверное, понимаю...

«...И воскресение России подай!..» — старательно выводят тонюсенькие голосишки окончание гимна.

Мгновение ничего не происходит. Тишину в зале можно пощупать рукой — вот она, вполне осязаемая и состоящая из таких же, как и у меня, воспоминаний. Где кровь вперемишку со смертью уживается с чем-то хрустальной прозрачности добрым и чистым. Детским и возвышенным, как вот эти юные гимназистки.

В следующий миг стены сотрясаются от восторженного рева:

— Bravo!!!..

— Молодцы!!!

— Bravo-браво-браво, господа! Это чудесно и восхитительно!

— Непередаваемо прекрасно! Ура, господа!..

И я, не в силах себя сдержать, тоже бешено хлопаю в ладоши. До боли в руках, до жжения! Хлопаю чужому, совсем не моему гимну давно потерянной для меня страны, крича «ура» вместе со всеми. Так искренне, как еще никогда...

Кто-то вежливо трогает меня за плечо:

— Господин поручик?

Я оборачиваюсь. Справа, рядом со мной, Семенов. Тот самый, что собирался включить меня в мемуары, и мой коллега по штабу. В котором я почти не появляюсь за ненадобностью.

— Да, господин капитан второго ранга? — все еще не могу я прийти в себя от эмоций.

— Вас ждет его превосходительство вице-адмирал Роже-ственский. — Видя мое удивление, бесстрастно добавляет: — И не один. Вместе с господином генерал-адъютантом Линевицем. Прошу следовать за мной!

Кто-кто?!.. Сам генерал Линевиц, командующий сухопутными силами всего Дальнего Востока? Тот, что теперь вместо Куропаткина? А при чем здесь я?!.. Роже-ственский, ты что, меня коллеге слил?!.

Черета мыслей вихрем проносится в голове:

«Сдал все же адмирал-победитель... Что делать? Я ведь совсем не готов! Эх ты, Зиновий Петрович, Зиновий Петрович... Что я сейчас вам скажу? Да еще и в таком виде... Оставьте меня наконец в покое!»

В полном замешательстве я разворачиваюсь к Семенову лицом. Так, что тому становится видна вся левая сторона моего расписного фейса.

К чести последнего, он выдерживает открывшееся взору зрелище довольно стоически. Лишь несколько округлившиеся глаза да непроизвольное вздрагивание выдают на сей раз уже его, Семенова, эмоции.

Тем не менее, не говоря ни слова, повторно делает приглашающий жест.

Молча протискиваясь сквозь толпу, выхожу за своим провожатым из зала, сворачивая в неприметный коридор. Возле очередной массивной двери тот останавливается:

— Дальше вы сами. — И, с укоризной посмотрев на мое лицо, шепотом добавляет: — Желаю удачи!

«...Которая, похоже, там точно не помешает!» — Я делаю неуверенный шаг внутрь. Дверь за моей спиной услужливо закрывается.

Довольно просторный кабинет скупо освещен из двух небольших окон. Узкий солнечный лучик с улицы, пересекая пыльное пространство комнаты, проходит мимо шкафа с какими-то папками и падает точно на золотой погон. Принадлежащий сухонькому пожилому господину с лихими запорожскими усищами и лысиной, восседающему у массивного стола. «Прямо Тарас Бульба на пенсии...» — совсем некстати мелькает у меня. Напротив гоголевского казака, раскинувшись в довольно свободной позе, восседает спина Рождественского. Которую я теперь смогу узнать из тысячи.

Тарас немедленно удивленно вылупляется на жертву произвола местной матросни. «Да-да, а ты чего думал... — едва не срывается с языка мстительная мысль. — ...Сам и виноват! Кто тут военное начальство?.. И вообще — пусть

спасибо скажет, что экспонат живой и сам пришел... А не труп доставили!»

Очевидно почуяв неладное, спина Рождественского приходит в движение, также вскорости явив моему взору светлый лик.

Помимо наполовину пустого графина с прозрачной жидкостью и двух рюмок, на столе находится еще кое-что. И это «что-то» заставляет меня окончательно впасть в уныние. Потому что, находясь рядом любая закуска, состоящая хоть из жаренного на сибирском кедре австралийского утконоса в жемчужных мидиях, я конечно же понял бы и простил. Но всему есть предел, так как закусывать моим паспортом с деньгами из будущего... И уж тем более злополучным смартфоном — являлось бы верхом цинизма. Тем более в архаичном прошлом.

«Олигархи олигархами, а существуют ценности, которых не достать ни за какие деньги. Как, например, вот эти... А коли они ими не закусывают, значит... Значит, плохи наши дела, Слава...» — Несмотря на предательскую романтику обстановки, тело непроизвольно вытягивается «во фронт»:

— Поручик Смирнов по вашему прика...

— Вольно, господин поручик. Садитесь. — Старичок указывает рукой на свободный стул. Его глаза внимательно рассматривают новоявленное недоразумение. — Где это вас так?

Где, где... Тут, у вас, во Владике!.. Я робко усаживаюсь, стараясь не смотреть на Рождественского. Совсем неожиданно перед глазами возникает вчерашнее лицо Маланьи. Разочарованное и покрасневшее. Уж лучше с ней, чем здесь... Впрочем, не знаю, не знаю. Спорно! Ну, чего хотели-то? Валяйте, не тяните!

Не дожидаясь ответа, пожилой запорожец представляется:

— Генерал-адъютант Линевич... — чуть нагибает голову. — Николай Петрович. Командующий сухопутными силами Дальнего Востока. С Зиновием Петровичем вы, на-

сколько я знаю... — Суховатая улыбка приподымает усы на без четверти три.

«Да уж, знаком...» — как раз в этот миг встречаюсь я глазами с Рождественским. Взгляд последнего не сулит обладателю синяка ничего хорошего.

— Времени у нас мало, потому сразу перейдем к делу... — Генерал, чей литературный двойник был бы весьма удивлен подобным сходством, легко поднимается, начиная расхаживать по кабинету.

Мои глаза перемещаются вслед за ним, подобно маятнику. На середине одной из амплитуд генерал, резко развернувшись на каблуках, неожиданно подходит ко мне в упор:

— Не стану забегать далеко вперед и вдаваться в лирику, молодой человек... Но Зиновий Петрович предоставил мне весьма убедительные доказательства вашего... — кивает в сторону стола. — Вашего невероятного путешествия во времени. И о пусть и небольшом, но все же посильном вкладе в морском сражении с японцем...

Чего?!. Я не ослышался? Небольшом посильном вкладе? Удивленно перевожу взгляд на флотоводца. Почему-то как раз именно сейчас Рождественский решает вдруг срочно озаботиться пустыми рюмками, недрогнувшей рукой боевого адмирала наполняя их из графина.

— Господин поручик... — Нависая сверху, Линевич дышит мне прямо в лицо, понижая голос до полупшепота: — Нашему... — делает секундную паузу. — И вашему, поручик, Отечеству необходима помощь. Ваши знания для нас — бесценны. Рассказывайте все, чем владеете. В первую очередь нас интересуют действия японской армии на суше. — Он наконец отступает на шаг.

Большие напольные часы с маятником робко отбивают половину одиннадцатого. Сквозь стену слышатся очередные бурные овации — наверняка кто-то только что толкнул яркую душещипательную речь в честь победы русского оружия.

В кабинете же по соседству сидят трое. Один из которых отчего-то чувствует себя мелкой разменной монетой в руках

крупных воротил. А слова про Отечество, Родину... Это все для тех, что сейчас аплодирует через стенку. Как и гимназистки в белых платьицах... Здесь — лишь карьеры и крупные дела. Так что уберите ваш напускной пафос, генерал Линевиич. Я и без того готов рассказать все, что знаю. За минувшие сто лет не изменилось ни-че-го...

Наконец я нарушаю затянувшееся молчание:

— После Мукденской победы японская империя мечтала о заключении мирного договора. Находясь на грани финансового истощения. И разгр... — Мой внезапный кашель в последнюю секунду предотвращает катастрофу. Хорошо заметно, как напрягается Рождественский. А я чуть было не сболтнул лишнего! — И несколько бóльшие потери в морском сражении этот мирный договор приблизили.

Уф... Отлегло. Чуть было не сдал такого крутого адмирала. Который вот смотрит сейчас на меня, как солдат на вошь... Не дрейфь, Петрович. Не предаю я тебя. Я же не ты!

— Продолжайте? — Линевиич почти не дышит, внимая каждому слову.

А чего это я... Кстати? Меня внезапно осеняет. Раз вы мне, господа, настолько верите и спор о моей будущей принадлежности не вызывает сомнений... А не... По моей спине пробегает неприятный холодок. А не сыграть ли мне в свою игру? Вы ведь играете, как я посмотрю, с помощью меня? Так почему бы мне не придумать историю, которой не было? Но которой очень хотел бы ты, Слава?

Неожиданно для самого себя я уверенно поднимаюсь на ноги. Будь что будет.

— Вы, Николай Петрович... — медленно наступаю я на опешившего генерала, — бомбардировали Петербург телеграммами с просьбой довести количество войск до полуторного превосходства над японскими. Только в таком случае вы планировали начать полномасштабное наступление по всему фронту, ведь так? — Запорожский казак от неожиданности делает шаг назад, упираясь спиной в шкаф.

— А откуда это... — Генерал явно чувствует себя не комильфо. Сам напросился.

— Тем не менее в конце июня вы все-таки это наступление начали... (Вдохновенная ложь, но... посмотрим!) Однако завершить его победой вам помешало лишь неожиданное перемирие. Для которого Япония приложила все усилия!..

На лице Линевича так и читается: «Да, правда? Это все я?!..» Ты, ты... Слушай дальше, Тарас Бульба:

— ...И вы, Николай Петрович, вошли в историю не как генерал-победитель, а приблизительно на одном уровне с Куропаткиным.

Краем глаза я заметил, как Рождественский опрокидывает рюмку. Кстати, за время моего допроса тот не произнес еще ни слова. С чего бы это?

Линевич угрюмо молчит, припертый к стенке. Как в переносном смысле, так и буквально. Как быстро меняются роли! Я проходил это в прошлом не в первый раз. Стоит лишь взять человека за одно чувствительное место, и...

Не успеваю я додумать про место, как входная дверь внезапно распахивается, являя в кабинете настоящий ураган.

— Господа, господа... — Шуршащий вихрь, состоящий из дамского платья и шляпки, пронесится мимо, подлетая ко все еще не пришедшему в себя генералу. Превратившись по дороге в ту самую учительницу, что дирижировала гимназистками на сцене. — Здравствуйте! — легкий кивок в нашу с Рождественским сторону. — А мой папá разве не с вами?

Что такое? Где я мог слышать этот голос?

— Э-э-э... Елена Алексеевна, господин Куропаткин где-то в общем зале... — Линевич смешно вытягивается, явно смущенный. — Попробуйте поискать там! Мы с господами... Зиновием Петровичем Рождественским... — адмирал грузно поднимается, бряцая саблей, — и господином поручиком... (Я тоже вытягиваюсь.) У нас происходит небольшое совещание! — Почему-то при этих словах генерал отчаянно краснеет.

Сумбурное существо разочарованно поворачивается, и мы встречаемся глазами.

Два испуганных глаза у забора, красивая обнаженная грудь... «Не зажигайте вторую спичку, господин поручик!» Мгновение спустя я заливаюсь краской не хуже Линеви́ча.

У красавицы правильные черты лица, строгая осанка... Взгляд, немедленно ставший надменным, почти не удоставляет меня вниманием, лишь на секунду задержавшись на левом глазу. Зато Рождественский одаривается обворожительной улыбкой.

— Господин адмирал, прошу прощения за беспокойство... — Легкий книксен в его сторону. — Не смею вам больше мешать, господа! — И, отметив меня на прощание убийственным взглядом, мадемуазель Куропаткина мгновенно скрывается за дверь.

Сомнений в том, что я узнан, — никаких...

Час спустя я с толпой офицеров покидаю Морское собрание в окончательно испорченном настроении. Выложив сухопутному и морскому командованию все, что помню и чего не помню о русско-японской войне. После упоминания о высадке японского десанта на Сахалин Рождественского скривило, будто от зубной боли, и, быстро свернув беседу, тот приказал мне в обед быть на броненосце. Линеви́ч же, наоборот, все выспрашивал цифры да статистику предстоящего наступления. Которого не было и в помине... Да уж, Слава. Ввязался ты...

Свернув в небольшой переулок подальше от людского шума, я забредаю в частный сектор города. Бесконечные бревенчатые избы уходят вдаль, ноги же то и дело выплясывают диковинные пируэты, стремясь избежать коровьих лепешек.

Странно. Пожалуй, самое большое впечатление от беседы, что отложилось у меня, это ее будничность. Вот прибыл человек из будущего... Ну, здорово! Теперь надо выпытать у него все, что знает, и применить это к реалиям. Приписав все заслуги себе, разумеется. Да берите, мне не жалко... Только вот... Не буду я у вас пешкой, ребята. А если и буду, то как минимум проходной.

Пройдя еще пару кварталов, я оказываюсь почти на самой окраине. Отсюда, с возвышения, хорошо виден почти весь Золотой Рог. Вот чуть курится дымок из трубы ставшего уже родным «Суворова», за ним «Бородино», «Александр III», «Орел», «Ослябя»... Дальше стоят крейсера, начиная с «России». Из сухого, «Николаевского» дока на берегу торчат трубы «Богатыря»...

Зябко и ветрено здесь, и, поживаясь, я глубоко засовываю руки в карманы. Что там такое? Достая свернутую газету. Старая, пятидневной давности. Развернув, начинаю механически читать первую страницу, продираясь сквозь непривычные «еры» с «ятями»:

«Окончательно подтверждена гибель броненосца «Адмирал Ушаков» в Корейском сражении. По словам очевидцев трагедии, с прибывшего впоследствии в порт миноносца «Грозный», израненный корабль, покинув строй, перевернулся в дневной фазе боя, после чего наблюдался сильнейший взрыв. Попытка моряков с «Грозного» спасти команду не увенчалась успехом из-за атаки японцев. Спасенных с броненосца на нашей эскадре нет. Выражаем глубочайшие...» Дальше поименно перечислены все офицеры корабля, первым из которых числится Владимир Николаевич Миклухо. Почему-то без второй части знаменитой фамилии — Маклай...

Неизвестной остается лишь судьба единственного крейсера — «Адмирала Нахимова». Подняв перед боем сигнал о неисправности в машинном отделении, тот тем не менее замыкал строй отряда Небогатова большую часть сражения. Безнадежно отстав, лишь когда эскадра прибавила в скорости. Видевшие его в последний раз наблюдали большой пожар, разгорающийся на носу...

— А что, господин поручик, вы намеренно бродите по владивостокским окраинам? В гордом одиночестве? Дабы выручать жертв подвыпивших матросов? — Насмешливый голосок заставляет меня вздрогнуть. Даже не оборачиваясь, я уже знаю, кому он принадлежит.

Вот ведь... Желание съехидничать, съязвив в ответ, что неразумные жертвы сами лезут непонятно куда, исчезает само собой, как только я оглядываюсь. При этом я почему-то вновь отчаянно краснею. А оттого, что краснею, — заливаюсь еще больше. Такой вот круговорот красноты в природе... Дела.

Ловко минуя коровьи «мины», худенькая фигурка достигает наконец меня.

— Чего встали, как истукан? Господин Смирнов? — Почти детское личико выглядит крайне недовольным. Вот-вот, кажется, ехидно высунет язык.

— А... Разве мы... представлялись? — запинаясь, выдавливаю я из себя. В последний момент осознав, что ляпнул что-то не то. Поздно!

Глаза Елены Алексеевны начинают расширяться. Неожиданный залиvistый смех порождает стойкое желание провалиться сквозь землю.

— Не знаю, как вы, господин Смирнов... — вновь приняв напускную серьезность, добавляет она. — Я к «преставленным» себя до сей поры не относилa. — И, не давая мне времени опомниться, немедленно подытоживает: — Хотя, глядя на вашу внешность... — Девушка вдруг замолкает на полуслове. Очевидно, поняв, что сморозила глупость, коротко зыркает из-под длинных ресниц.

Ну, вот что с ней делать? У меня окончательно опускаются руки.

Наш общий смех заставляет обернуться даже пасущуюся неподалеку буренку.

— А хотите, я вам погадаю? — вдруг вновь становясь серьезной, заявляет Елена Алексеевна. — Давайте сюда ладонь. Не бойтесь... Ага! — Делая вид, что внимательно изучает ее, понижает голос до шепота: — Вячеслав... Викторович... Смирнов!.. Член... Шта-а-аба... Второй Тихоокеанской эскадры! — Большие голубые глаза, будто невзначай, загадочно хлопают несколько раз.

— И правда там все это написано? — Дурацкая улыбка, похоже, окончательно поселяется на моем лице.

— Еще ка-а-а-а-ак... — с таинственной важностью изрекает обаятельный оракул. — Кото-о-о-орый... Завтра едет на линию фронта. — Голосок вдруг делается совсем грустным.

— Это тоже там прочитали?

— Нет, узнала от отца... — отпуская мою руку, уже просто отвечает Елена Алексеевна. — Вы прикомандированы к штабу фронта по приказу генерала Линевича.

— Не зна...

— Проводите меня до гимназии? — не дает девушка мне договорить. — У меня еще три урока и самый сложный класс! Расскажу о нем по дороге. Идемте же!

Катер отходит от пристани ровно в три, но сегодня почему-то запаздывает. От нечего делать я начинаю прогуливаться вдоль пирса, заложив руки в карманы. Зябко!

Вокруг обычная картина: на корабль возвращаются несколько матросов из увольнительной и мичман Кульнев, стоящий неподалеку с некой провожающей его дамой... Причем Кульнев что-то нежно нашептывает той на ушко, отчего та периодически краснеет... Фиг с ними, у меня здесь своя «романтика» начинается. Похоже...

По моим мыслям и чувствам татаро-монгольским нашепствием прошлась Елена Алексеевна. Внезапным и уверенным таким нашепствием... Оставив в голове лишь вытоптанную лошадьми степь. С редкими проблесками устоявшего там быта.

«Итак: в первую очередь, конечно, она! Во вторую...» — Я изо всех сил пинаю ногой валяющуюся на земле зеленоватого цвета бутыль. С жалобным звоном та откатывается подалее, явно стремясь убежать. Не тут-то было, стоять!

«...Во вторую: оказывается, завтра я еду на фронт... Зачем? А за тем, Слава, что так распорядился генерал Линевич. Который теперь тоже в курсах твоей временной аномалии...» — Трусливая бутылка опять достигнута. Носком ботинка отправляю ее в новое путешествие к валяющейся по-

близости коллеге. Мусорно тут, как нигде! А еще прошлое... Тьфу!

«...В-третьих, Вячеслав: а за каким чертом я там нужен? Чем я, исключительно гражданский тип из будущего, могу помочь русско-японскому фронту? А?!» — По спине вдруг пробегает неприятный холодок. Узнаю его моментально: предвестник жизненных перипетий!

«...Мать его... И вообще: как я расставил мысленные приоритеты, дурень? Сперва, значит, Елена Алексеевна, потом все остальное? Включая войну и помощь? Не рановато ли? Влюбился? Я?!» — Шарахнувшись, будто от змеи, я торопливо пинаю обе бутылки одновременно. С жалобным стоном те покорно катятся прочь.

«Помочь, помочь... Что там у них было-то вообще? Не помню же ни черта! Уже вон помог... Наврав Линевицу прирожественско, то бишь прилюдно... О наступлении, которого не было...» — Вновь поддевая ногой бутылки, я слышу позади какой-то шум. Однако продолжаю размышлять, не оборачиваясь.

Тактика Куропаткина была — на истощение. То есть вымотать силы японцев так, чтобы потом, типа когда-нибудь, перейти в решительное наступление. Учитывая, что снабжение японской армии осуществлялось весьма регулярно, — тактика крайне провальная. Ибо басурманина исправно кормили и одевали из родных пенатов... Оставив в покое бутылки, я рисую носком ботинка в грязи жирный крест. Железная дорога... Раз! Крест получается хоть и корявым, но для лужи сойдет.

Шум позади усиливается, но мне пока не до него. Что там у нас еще? Оружие? А что — оружие?.. Пулеметов было недостаточно вроде... Но к концу войны, кажется, увеличилось их количество, нет?..

Мысль о пулеметах не дает покоя, заставив даже присесть на корточки от волнения. Поближе к первому кресту... Что там с ними, родимыми? После напряженной секунды работы мысли рождается и ответ: а то, Слава, что на броненосцах имеется по десять «максимов»! Крайне ненужных и

совсем новеньких. Плюс они же имеются и на крейсерах с миноносцами, кажется... Вполне возможно, и на вспомогателях. А вот в армии их — очень не хватает! Пока я торопливо рисую бутылкой крест номер два, шум позади материализуется в крики:

— ...Сюда, я тебе сказал! Чего глаза выкатил как баран, сволочь? Ты, ты... Долговязый!..

Я удивленно оглядываюсь.

Из подкатившей к пирсу повозки, едва шевеля языком и иными конечностями, взывает к «суворовским» матросам нечто. В форме мичмана и абсолютно незнакомой наружности. Похоже, новенький и к нам. Вместо кого-то из убитых...

Изрядно перепивший юнец, наполовину высунувшись из извозничьей двуколки, продолжает орать:

— ...Подошел... Так, голубчик! Взял чемодан, отнес к причалу... Да осторожней, скотина, не то зубы вышибу, стервецу... — Высокий матрос молча берет чемодан из забитого багажного отделения. Лишь желваки на хмуром лице живут своей, отдельной от хозяина жизнью. Парень — из прислуги двенадцатидюймового орудия, хорошо его помню по походу. Смотрю на Кульнева — тот, оставив ушко дамы в покое, также наблюдает за происходящим.

М-да... А после еще удивляются: откуда бунты на «Потемкине» да восстания по России-матушке?

Мичман меж тем никак не угомонится:

— ...Вот же, тварь бесхребетная... Иди сюда!.. Я кому говорил: осторожней, гад?.. Получи леща!.. — Сделав широкий размах и не рассчитав равновесия, он позорно вываливается из повозки напрямиком в уличную пыль.

Не сговариваясь, мы с Кульневым тут же оказываемся рядом:

— Разойтись... Десять шагов назад, быстро! — Младший артиллерист лишь едва кивает матросам. Пространство вокруг мгновенно пустеет.

— А чего тако... — пытаюсь подняться, развязно мычит жертва Бахуса. Наконец, с трудом сев, выкатывает глаза на нас: — Коллеги, приветс...

— Значит, слушайте меня, господин мичман... — Кульнев едва сдерживается, присаживаясь на корточки. — Вы на «Суворов»? — Тихий голос не сулит ничего хорошего.

— Да, а что, собст...

— Вы позорите мундир своим поведением, мичман... И нам вы пока — не коллега! — Кулаки его сжимаются. — Еще слово матросам — и я за себя не... — Кульнев не договаривает.

Поразительно видеть, как человек трезвеет на глазах. Только что перед тобой кривлялось пьяное быдло, а вот на тебе: уже стоит на ногах вполне офицер, почти как настоящий:

— Господа, я...

— Что — вы?.. Пьяны и ведете себя отвратительно! Должны извозчику?

— Нет...

Кульнев оборачивается:

— Бабухин и Сакулин! Сгрузить вещи его благородия... Погрузите на катер, на корабле снесете в каюту... — совсем уже тихо добавляет он.

Когда на задке коляски остается одна-единственная продолговатая коробка, меня будто кто ударяет по голове:

— Стой! Оставь... Я сам! — Тот, что Бабухин, отходит в сторону, пожав плечами. Быстро делаю несколько шагов назад, обходя повозку с нужного ракурса. Точно! Она самая! Лишь полотнища не хватает... Алого, для антуражу! И как я сразу не догадался?

Уже усаживаясь в катер, я бормочу про себя лишь одно несложное слово, состоящее из трех слогов и такое знакомое по детству: «Та-чан-ка!..»

Крест номер три мне поставить негде, ибо в катере царит образцовая чистота. Да он уже и не нужен.

Поразительно, но сегодня точно мой день! Не успевает катер подвалить к трапу броненосца, а я ступить на палубу, как меня останавливает зычный голос:

— Ваше благородие?

Все та же ординарская громадина, что под видом Маланьи утром измывалась над моей дверью.

— ???

Опять ты?!

— Вас ожидает его превосходительство господин вице-адмирал!

Оттолкнув плечом мигом присмирившего мичмана, устроившего цирк на берегу, я торопливо слеую за здоровенной спиной.

Удивительный факт, но из множества палубных надстроек броненосца, пострадавших в Корейском сражении, адмиральская каюта осталась практически нетронутой. Лишь в дальней стене зияет несколько дыр от крупных осколков — снаряд среднего калибра разорвался на верхней палубе, неподалеку. Почти не причинив повреждений, лишь осколком начисто срезав верхушку ветвистого дерева «а-ля лимон». И теперь из кадки вместо густой кроны торчит лишь куцый обрубок. Наподобие стручка. Как-то совсем не по-адмиральски!

Почему-то именно при виде этого чуда ботаники у меня вдруг возникает стойкое желание громко заржать, подавляемое мною с огромным трудом. Все же тень улыбки невольно прорывается наружу, что не остается незамеченным.

— Улыбаетесь?.. — Рождественский, оказавшийся в противоположном темном углу, наконец проявляется. Проследив направление моего взгляда, делает несколько шагов к кадке. Судьба растения явно вызывает отклик в сложной душе флотоводца.

Привычно вытягиваюсь:

— Ваше превосходительство, поручик Смирнов...

— А мне не до улыбок, господин Смирнов... — Дойдя до цели, он поворачивается ко мне. — Да и вам сейчас станет... — Все же, не выдержав, Рождественский нагибается к

одинокому стручку. — Не до смеха. Завтра вы отправляетесь на сухопутный фронт в штабе генерала Линевича!

Распрямляясь, адмирал торжественно смотрит на меня. Будто ожидая, что выдал сенсацию.

Ха!.. Да мне еще Елена Алексеевна три часа назад об этом сказала! Так что нюсмейкер из тебя никакой. А вот зачем ты все рассказал Линевичу? Пусть это остается на твоей вице-адмиральской совести... Подозреваю, судя по опухшему лицу, что разболтал по пьяной лавочке, а теперь деваться некуда... И вообще, господин адмирал, признавайтесь: вы бросили пить водку по утрам? Да или нет?..

— Так точно, ваше превосходительство, — дежурно выкатываю я глаза. — Как прикажете!

Не узрев ожидаемой реакции, тот разочарованно продолжает:

— Срок вам вытребован в три недели...

Генералом Линевичем, как я понимаю?

— ...На большее я не давал согласия. С настоящего же дня на эскадре начинается подготовка к выходу в сторону Сахалина... — Рождественский подходит к столу, зачем-то беря в руку графин с водой. — С целью противодействия японцу в высадке десанта. Согласно вашей, господин Смирнов, информации...

Да, да... Как собутыльникам трепать, что сражение сам выиграл, — нормально. А как готовить что-то непонятное, так «согласно вашей информации...». Да уж, недаром ты до адмиралов дослужился!

— Так что съездите, посмотрите на диспозицию войск... — Адмирал вновь подходит к злополучной кадке. — Вспомните все, что можете, и расскажите... Даст Бог, одолевем наконец японца... — Бережно согнувшись, начинает нежно поливать раненого друга. Так, чтобы струйка попадала аккуратно в корень. — С генерала Линевича я взял слово офицера. О молчании и о вашем... Невероятном путешествии!..

Слово офицера он взял... Я с недовольством наблюдаю за агрономическими потугами грозы эскадры. Совочек еще

раздобудь, землю взрыхли по периметру! Кстати, а чего это я... Впрочем вспомнив о своих размышлениях, вновь вытягиваюсь по струнке:

— Ваше превосходительство, разрешите обратиться?

— Что у вас?.. — Тот не прекращает увлекательного процесса.

— Ваше превосходительство, в сухопутной армии катастрофически не хватает пулеметов. И я подумал: раз на кораблях они все равно не используются...

Рожественский удивленно поднимает голову. Взгляд такой, будто я только что сообщил, что за дверью ожидает сам адмирал Того со всем своим штабом. Плюс десяток самураев в полной боевой экипировке.

— ...И, ваше превосходительство, хорошо было бы эти пулеметы... — Цвет лица адмирала начинает быстро меняться. Где-то я подобное уже видел!.. — Предоставить в помощь войскам! — совсем сникаю я под конец. Грозы не миновать, чую!

Как в воду глядел.

Отвлекшись от боевого товарища, флотоводец даже сделал на полу солидного размера лужу. Не сам, разумеется, лишь промазав струей из графина...

— Мальчишка! — Резко распрямившись, Зиновий Петрович отбрасывает в сторону пустую емкость. Та с жалобным звоном катится по полу прочь. — Да как вы, гражданский, смеете рассуждать о том, что флоту требуется, а что нет?.. Вы... — Лицо его, кажется, вот-вот покроется трещинами, не выдержав внутреннего жара. Пытаясь подобрать слово, наконец он изрекает: — Штатский!..

Видимо, в мозгах адмирала это выглядит самым страшным оскорблением. Похлеще разных там «штафинок» и «сухопутных баранов».

Ах ты... Меня тоже начинает разбирать злость. Как на фронт меня Линевичам всяким продавать — так пожалуйста, извольте! Плюс мои «посильные, пусть и небольшие» заслуги в сражении, да? А как помочь армии чем, так тут же я «штатский»?..